

Когда двое выбрались из ванной и переоделись, было уже двенадцать часов дня.

Ло Дунцзан потерял слишком много крови. Его лицо, бледное как бумага, лишилось недавней мрачной свирепости, и теперь он лишь крепко сжимал веки, пытаясь прийти в себя.

Хэ Гуань усадил его на кровать и спросил:

— Ты завтракал? Я видел, что тарелка, которую тебе принесли в комнату, разбита.

Ло Дунцзан, прислонившись к изголовью, ответил слабым голосом:

— М-м. Я доел, а потом использовал тарелку, чтобы запустить ею в старшего брата.

Хэ Гуань подоткнул одеяло:

— Не спи. Скоро обед будет готов, поешь, а потом уже ложись.

Ло Дунцзан нахмурился:

— Я не так легко умираю. Это всего лишь рана на запястье, поспать немного — не страшно.

Он помолчал, а затем добавил нечто редкое для себя:

— Ты ведь только что всё видел, не волнуйся.

Хэ Гуань скептически хмыкнул:

— Ой, брось. Мне совсем не улыбается возиться с твоим трупом. Если бы ты мог видеть, то понял бы, как выглядишь — даже покойник через три дня не бывает таким белым. Купить гроб — это одно, а убирать за тобой — совсем другое. Не смей эксплуатировать единственного работника в этом доме. Хочешь, чтобы я тащил твой гроб? Нет уж.

Ло Дунцзан промолчал.

Хэ Гуань продолжал:

— Сиди смирно и не вздумай засыпать. Сейчас поешь, а потом спи, сколько влезет. Я постараюсь побыстрее.

Он говорил с ним, как с маленьким ребенком.

Ло Дунцзан ответил:

— Хорошо.

Когда Хэ Гуань ушел, Ло Дунцзан остался сидеть на кровати... и открыл глаза.

Эти глаза ничем не отличались от обычных: радужка красивого сине-голубого цвета, удивительно прозрачная. Ло Дунцзан много раз смотрел на себя в зеркало и недоумевал: как при родителях с черными глазами у него мог появиться такой странный, причудливый оттенок?

Он по-прежнему ничего не видел.

Ло Дунцзан знал, что он — сплошная головная боль, поэтому в ванной у него возникло желание убить.

Убить его своими руками.

Если он погибнет от моей руки, то у него не возникнет мыслей о моем спасении. Он не будет наивно верить, что способен меня спасти, его сердце не будет биться чаще, он не будет замирать на месте, словно пораженный током, и дрожать, обнимая меня.

Но в итоге он этого не сделал.

Тепло в его объятиях оказалось таким настоящим. Ло Дунцзан уже не помнил, сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз касался нормального человека, и теперь, когда его просто крепко обняли, ему невольно захотелось сжать его в ответ.

Теплый... живой человек.

Который не убежит.

Который сам пришел, чтобы обнять его.

Как кто-то может оставаться рядом, узнав о его чудовищном характере и о том, что он сам закладывает мины под свою жизнь? Как? Разве это возможно?

Однако это действительно произошло.

Только что, когда его несли из ванной, чтобы переодеть, рука Ло Дунцзана слегка коснулась плеча Хэ Гуаня. Тот чувствительно вздрогнул и поспешно убрал его пальцы, с намеком произнес:

— Ло Дунцзан, ты задел меня. Рукой.

Глядя на это... кажется, Хэ Гуань... не слишком-то им интересуется.

Ло Дунцзан постучал здоровыми суставами левой руки по простыне и, озадаченный, снова закрыл глаза.

Не сходится.

С помощью дяди Юэ Хэ Гуань быстро приготовил еду, разложил всё по порциям и собрался снова подняться наверх.

Жэнь Нин спросил с удивлением:

— У твоей жены что, ног нет? Почему ты сам носишь еду наверх?

Хэ Гуань нахмурился, явно недовольный таким вмешательством:

— Мне так хочется. В моем доме прикуси язык, не лезь в мои семейные дела, хорошо? Я спрашивал твоего мнения?

Он развернулся и ушел наверх.

Жэнь Нин, ошарашенный отпором, спросил дядю Юэ:

— Дядя, вы ведь всё время рядом с ним, неужели не находите его странным? Раньше для него во всем мире деньги были на первом месте, а теперь он выглядит так, будто жена опоила его приворотным зельем.

Дядя Юэ проглотил кусок салата и невозмутимо ответил:

— Разве молодой господин не всегда был таким?

Жэнь Нин запнулся:

— П-правда?

Дядя Юэ уткнулся в тарелку:

— Угу.

Жэнь Нин нахмурился и пробормотал себе под нос:

— Неужели я ошибся... может, и ошибся... но он ведь никогда раньше не был влюблен... впрочем, это нормально...

Хэ Гуань принес еду Ло Дунцзану и вздохнул:

— Скажи хоть что-нибудь, хотя бы просто хмыкни. Еще раз так меня напугаешь, и я сам от страха кончусь. Ты закрываешь глаза, и я не знаю, проснулся ты или нет.

Ло Дунцзан, который всё это время не спал, сжал ладони и отозвался:

— М-м.

Хэ Гуань спросил:

— Если рукой пошевелить не можешь, просто открывай рот, договорились?

Ло Дунцзан ответил:

— М-м.

Ло Дунцзан, который до этого опирался на изголовье, слегка подался вперед. Под глазами залегли тени усталости. Даже так было видно, что раньше он следил за формой: кости обтянуты тонким слоем мышц, а когда он наклонил голову, шейные позвонки отчетливо и гордо выступили под кожей.

Он напоминал измученного зверя: даже при истощенном теле у него сохранился крепкий скелет.

Хэ Гуань кормил его с идеальной осторожностью. Когда-то давно, когда Ло Дунцзан болел, за ним ухаживала сиделка, отравившая его; та была новичком, и ложка постоянно стучала по зубам. У Хэ Гуаня всё выходило иначе: он держал идеальную дистанцию, подносил ложку ровно к губам и каждый раз предупреждал, что именно он дает попробовать.

<http://bllate.org/book/18907/1848861>